

Касрашвили Маквала
(оперная звезда БДТ.)

(КБ) 2006
(ИРЧ)

Меломания

Дом актера. - 2006. - №6. - с. 16.

Маквала Касрашвили:

«НА СЦЕНЕ Я МОГУ ХОТЬ НА ГОЛОВЕ СТОЯТЬ»

— Когда вы решили стать певицей и как складывался ваш путь к профессиональной оперной сцене?

— В Грузии все поют. Моя мама обладала прекрасным голосом, я с детства слышала грузинские народные песни, а по радио часто передавали классическую оперу. Я подражала тому, что слышала, не ла даже теноровую арию Мадхаза из оперы «Данте». Очень любила итальянскую оперу, особенно меня потрясла запись «Золушки» Россини в исполнении Зары Додухановой. Но учиться меня отправили почти случайно: знакомые уговаривали, как я пою, и посоветовали ехать в Тбилиси. Мама испугалась: она растила нас с братом одна, жизни моя трудно. Она отвела меня в Кутанское музыкальное училище, мне было тогда тринадцать лет, но у меня уже был вполне сформировавшийся голос.

А через четыре года я все же отправилась в Тбилисскую консерваторию, где меня приняли на подготовительное отделение. К тому времени у меня возникли проблемы с голосом. Но там преподавала легендарная Вера Александровна Давыдова, бывшая prima-donna Большого театра, которая, выйдя на пенсию, приехала в Тбилиси: ее мужем был грузинский певец Дмитрий Мчедели, бывший зав. оперной труппой Большого театра, а потом — директор Тбилисской оперы. Вера Александровна согласилась со мной заниматься из любопытства: решила попробовать, что можно исправить. И за год ей удалось вернуть мне вокальную форму. Я училась вместе с Зубаром Соткидвой (он был на курсе старше) и мечтала о Тбилисской опере, когда проездом в Тбилиси оказался зав. оперной труппой Большого Анатолий Орфенов. Он познакомился с Давыдовой, услышал меня и пригласил на прослушивание в Большой театр. Я не могла себе этого даже представить. Но Давыдова сама привезла меня в Москву, я села сразу на третьем туре в Большом, и меня зачислили в стажерскую труппу. Вот так в 1966 году я начала здесь работать. Удача, а можно сказать — судьба.

— Как вы осваивали репертуар театра?

— Больших партий нам сразу не давали, проверяли на маленьких. Мой первый выход на сцену состоялся в роли Прилепы в «Пиковой даме» — солю и дуэт. Стоишь и поешь одна на авансцене, все очень ответственно. Я выдержала экзамен, и мне дали Микаэлу в «Кармен». А потом — Графиню в «Свадьбе Фигаро» Моцарта, это уже сложная партия. Во-первых, у Моцарта особое звуковедение инструментального характера. Во-вторых, это костюмная роль: парик, кринолин. Но нас большие мастера учили и сценическому движению, и манерам, и вокальному стилю.

Маквала Касрашвили, одна из самых знаменитых и обаятельных оперных звезд Большого театра эпохи его Золотого века, а также нынешний руководитель оперной труппы Большого, отметила 40-летие своей творческой деятельности. Обладательница красивейшего сопрано, будто созданного для самых благозвучных романтических итальянских опер. Касрашвили в течение своей карьеры освоила множество музыкальных направлений совершенно психологической стилистики: виртуозные вокальные «кружева» Моцарта, дурераздирающие откровения Прокофьева и Шостаковича, психологические глубины Чайковского, паурительные монологии Рихарда Штрауса. Она — одна из самых органичных актрис оперной сцены, которой подвластны самые сложные драматические задачи.

Для своего юбилея Маквала Касрашвили выбрала роль оперной prima-donna, которую исполняет и на сцене, и в жизни: она выступила в своей любимой партии певицы Флоры Тоски в опере Пуччини «Тоска». Об этой и других своих героинях она рассказывала Ярославу Седову накануне спектакля.

Мне повезло, что я исполняла множество произведений совершенно разного стиля. Это меня очень обогатило. Партию Полины в «Пироме» невозможно петь таким же красивым округлым звуком, как итальянскую оперу. У Прокофьева много «рваных» экспрессивных фраз, частая смена состояний, надо менять окраску звука. Я для выразительности прибегала к неакадемическим приемам, и многие даже пугались: «Ах, она потеряет тембр, испортит голос...». Но, к счастью, я пришла в театр уже владя ровностью звуковедения, так что эти эксперименты не пошли мне во вред. А главное — я работала с Борисом Александровичем Покровским. Это великий режиссер, большой художник оперного театра. Он искал физические действия, которые наиболее точно подводят певицу к нужному для образа состоянию.

— Какие совместные работы с Покровским стали для вас самыми важными?

«Евгений Онегин». Татьяна. Фото: Л. Педенчук

— Прежде всего, Татьяна в «Онегине». Это была первая совместная работа. Когда Борис Александрович меня назначил на эту роль, я не знала, как петь эту партию. Мне она казалась очень длинной и скучной. Я села на репетиции, и он начал разбирать: «Во-первых, почему ты плачешь? Татьяна тут еще полна надежд. А эти слова, «коварный некушитель»? Она не может вложить в них настоящий смысл, она просто повторяет фразы из книги, которых не читала». Это же игра». И когда я поняла состояние героини, то папла и нужные интонации.

То же самое было и с Иолантой. Все обычно сразу изображают слезу. А Покровский мне сказал: «Она же родилась такой. Она не знает, что у нее что-то не в порядке, пока не вызвали врача. Она привыкла ориентироваться в мире по-своему. Если бы у нее не попросили красные розы вместо белых, она бы и жила себе спокойно. А вот когда человек

видит мир таким, каков он есть, тогда и начинаются проблемы». Так мы и выстроили роль. А после дебюта ко мне пришла Катина Уланова. Оказывается, она случайно заглянула в ложу и задержалась посмотреть. Не ушла. Ее поздравления и то, что она оценила не только мое пение, но и мою актерскую работу, были для меня огромной честью.

— Какие актерские задания казались вам, певице, особенно сложными?

— Покровский меня подготовил к самым разным заданиям. Иногда сложные действия помогают входить в нужное состояние, и легче рождается образ. В опере «Млада», например, есть верхняя юбка до-диз. Я всегда ее боялась, брала только в этом спектакле. По ходу действия я должна была за два такта стоять наверху, потом в ярости спуститься вниз, выбежать на авансцену и взять эту ноту. Вроде бы сложно, но правильное внутреннее состояние, наоборот, помогало преодолеть

вокальные трудности. В той же «Младе» Покровский в одной из сцен заставил меня сесть на палку верхом и так бегать по сцене Большого театра! (Смеется.) На сцене я могу, что угодно, хоть на голове стоять. А в жизни не все. Конечно, если меня вывести из равновесия... Но это редко бывает. Стараюсь быть ровной.

Самое трудное и интересное — передать сложные состояния персонажа минимальными, точно отобранными актерскими средствами. Мне повезло, что я дружу с Аллой Демидовой. Она выдающаяся актриса и личность. Ее советы мне много дают в актерском плане. Иногда сама себя на сцене можешь не контролировать, оцениваешь не точно, и профессиональный взгляд со стороны очень важен.

— А что конкретно из ее пожеланий вы использовали на сцене?

— Например, в «Тоске» героиня в начале приходит к своему возлюбленному Каварадосси и устраивает скандал, подозревая, что он кого-то прячет. Обычно это делают всерьез, изображают страсти. Я много жестикулировала в этой сцене, а Алла сказала: «Не мешайся. Твоя героиня — prima-donna, а он — твой любовник. На его месте мог бы быть любой другой. Это он должен вокруг тебя суетиться». И я стала вести эту сцену чуть, упрекать его не всерьез. Получилось интересное развитие действия — от легкомысленности в начале к трагедии в финале, когда героиня идет на смерть из-за любви.

— Что вам нравится в современной оперной режиссуре?

— Постановка «Маддам Баттерфляй» Роберта Уилсона, которую недавно перенесли на сцену Большого. Это режиссерское решение как шедевр живописи, который не портится от времени. Оно очень сложно для актера: скучные позы и жесты, выразить состояние персонажей нужно практически только в звуке. Мне очень жаль, что этого спектакля не было у нас прежде, когда я готовила эту партию.

— Остается ли у вас время на что-либо, кроме театра?

— Я хорошо вожу машину. Когда у меня плохое настроение, сажусь за руль и катаюсь по Москве, это помогает снять напряжение. А еще люблю общаться с друзьями.

— Вы ездите по всему миру. Где вам нравится бывать больше всего?

— Очень люблю Нью-Йорк. Там бурная жизнь, это центр искусства всех жанров и направлений. Я и в музеях люблю бывать, и на Бродвее. Много всего видела, начиная с 1975 года, — и «Чикаго», и «Кандида» Бернштайна, множество выставок, концертов. А если вы о том, где я больше всего люблю петь, то, конечно, на сцене Большого театра.